

**Пространственное социально-экономическое развитие
современной России сквозь призму научных идей Л.Н. Гумилёва**

Неистовый и противоречивый двадцатый век, вместивший в себя грандиозные социальные процессы, прорывы, трагедии и трансформации, породил целую плеяду блистательных учёных и ярких мыслителей. Достойное место в их ряду по праву занимает наш соотечественник и коллега, историк, этнолог, географ Лев Николаевич Гумилёв. Созданная талантом, трудом и самой его судьбой масштабная мировоззренческая конструкция (обретшая популярность, ставшая неотъемлемой частью национального научного сознания, продуцирующая острую, до сих пор не ослабевающую дискуссию) являет собой логичную и высокопрофессиональную рефлексию на геоисторический контекст, универсальную гносеологическую систему, напрямую ориентированную на отечественные реалии.

Стержневая концептуальная идея Л.Н. Гумилёва о биосоциальной природе этноса созвучна современной географической картине мира, корреспондирует с культивируемыми в советской (российской) экономико-географической науке (в трудах В.А. Анучина, А.Г. Исаченко, С.Б. Лаврова, В.П. Максаковского, Б.Б. Родомана, Ю.Г. Саушкина, А.И. Чистобаева и др.) интеграционными подходами. Предлагаемое им понимание этнической целостности как системы динамической, включающей в себя не только людей, но и элементы ландшафта, культурную традицию, взаимосвязи с соседями, повсеместный акцент на «стереотип поведения» как основу идентификации этноса, выраженный «экологизм» суждений и подходов – существенно обогащают исследовательский инструментарий, способствуют расширению предметно-содержательной сферы

географической науки, благоприятствуют общегеографическому синтезу. Не случайно именно в нашей профессиональной корпорации взгляды Льва Николаевича оказались наиболее полно и широко восприняты, осмыслены, имплантированы в методологию, в новые, адекватные постсоветской России геополитические и геокультурные концепты [1 - 4]. «Ход его мыслей весьма интересен для географов» – так симптоматично и точно выражено доминирующее ныне отношение к наследию Л.Н. Гумилёва в одной из недавно изданных обобщающих работ в сфере общественной географии [5, с.228-229].

Предлагая панорамную иллюстрацию сложности социально-природной реальности и, при этом, подчёркивая, что «каждая наука требует развития» [6, с.56], Лев Николаевич последовательно, книга за книгой, статья за статьёй, осуществлял практический продуктивный синтез истории и географии. Будучи неизменно увлечён евразийской проблематикой [7, с.285] и полагая, что «становление Москвы не может быть оторвано от истории Евразийского континента» [8, с. 128], он органично «ввёл» в анализ этногенеза фактор пространства («месторазвития» этноса), предложив полиэтническую, инкорпорированную в глобальный контекст интерпретацию нашей национальной истории, существенно скорректировав (расширив) представления об имманентном ей географическом ареале.

Демонстрируя системный, целостный взгляд на историко-географические феномены, Л.Н. Гумилёв всем своим творчеством являл универсализм мышления в противовес и поныне доминирующему «дискретному» мировосприятию, когда в научном сознании устойчиво воспроизводится, к примеру, дифференциация на «Историю России» и «Историю зарубежного мира», «Географию России» и «Географию зарубежных стран» (а где, зададимся вопросом, грань между тем и другим и корректно ли мы её фиксируем?). Размышляя о драматичных коллизиях

России (СССР) и сознательно избегая «абберации близости», он обращался к истории, осознавая и всячески акцентируя её географическую детерминанту, параллельно формируя, тем самым, фактологические и концептуальные основания столь необходимого «историзма» географии.

Л. Н. Гумилев ушёл из жизни в середине 1992 года («умирал вместе со страной...»), как спустя несколько лет с чувством горечи по невосполнимым утратам скажет мой Учитель Сергей Борисович Лавров [2]), т.е. оказался очевидцем распада государства, но ещё не мог сполна оценить все его последствия, не сопереживал драму рыночной трансформации, не столкнулся с многообразными проявлениями глобализации. Тем не менее, многое, очень многое, в его подходах и оценках (обращённых не только к прошлому либо настоящему, но и будущему, обладающих потенциалом масштабного научного предвидения) сохраняет высокую актуальность и в наши дни, в том числе и применительно к проблематике пространственного социально-экономического развития.

Постсоветская Россия – страна больших (масштабных по своим амplitудам и следствиям) изменений и потрясений, существеннейших территориальных социально-экономических контрастов [9]. Пространственная организация современного российского общества динамична, иерархична и крайне усложнена. Распад СССР, появление новых границ и геополитических субъектов (повлекших за собой переориентацию хозяйственных и гуманитарных связей, расчленение прежде единого геоэтнокультурного пространства), коррекция позиций страны в международном разделении труда (сопровождаемая «выплеском» за её пределы населения и капитала при одновременном «экономико-демографическом опустынивании» обширных пространств самой России), доминирующая установка на экономическую выгоду (причём, в подавляющей массе ситуаций, групповую, персонифицированную) – всё

это благоприятствует территориальной социально-экономической фрагментации (в том числе и анклавизации), существенно модифицирует базовые условия хозяйствования, социально-демографического и, соответственно, этнического воспроизводства.

Наряду со сложившимся в XX веке и ныне в существенной мере деградировавшим индустриально-аграрным ландшафтом (а во многом – и взамен ему), реальностью России в последние полтора десятилетия стал порождённый глобализацией «геоэкономический» ландшафт, выстраиваемый локализацией цепочек добавленной стоимости, бизнес-сетями, а также «архипелагами» центров принятия важнейших политико-экономических решений и потребления (в том числе и экзогенных, «вынесенных» в иноэтнические территории). В этой новой пространственной архитектонике (здесь уместно вспомнить неоднократно озвученный Львом Николаевичем тезис, что радикальное преобразование ландшафта сопровождается столь же радикальной этнической трансформацией [10]) наблюдается существенное усиление позиций ведущих городских центров и агломераций, возрастает амплитуда центростремительных миграционных потоков. Только одна Москва (чья социокультурная дистанцированность от прочих российских территорий приобрела гипертрофированные формы [4], инициировавшие, в частности, даже постановку вопроса о московском субэтнотипе [11]) за два последних межпереписных периода «приняла» не менее 4,5 млн. мигрантов (что эквивалентно 40 % населения этого мега-города). В экономически наиболее «успешных» и оттого демографически притягательных федеральных и региональных «столицах» в настоящее время проживает более 52 % населения страны; при этом 30 % россиян локализованы непосредственно в восемнадцати ведущих (более 1 млн. жителей каждая) городских агломерациях. Заметим, что процесс опустошающей российскую периферию урбоориентированной концентрации населения и

инфраструктуры (правда, в несколько меньших, чем ныне, масштабах) наблюдался и в советский период; Л.Н. Гумилёв был его очевидцем, высказывал сомнения в целесообразности как стимулирования миграций, так и чрезмерного роста крупных городов; и это корреспондировало с идеями, генерируемыми частью ведущих (духовно близких Льву Николаевичу) экономико-географов того периода [12]. Современный тренд в основном подтверждает правильность данной позиции.

В рентоориентированной и «властоцентричной» российской экономике благополучие крупнейших городов столь же логично, сколь и зыбко, соотнесительно, лимитировано всё возрастающими институциональными, инфраструктурными и инвестиционными дефицитами, неустойчивой глобальной рыночной конъюнктурой, потенциалом межрегионального финансово-ресурсного перераспределения. Обратной стороной доминирующего позиционирования ведущих урбанистических центров, в первую очередь Москвы (среднестатистический житель этой «общероссийской метрополии» все 2000-е годы имел, к примеру, доход от собственности в 12,5 раз больший, чем «прочий» россиянин), и их миграционной привлекательности (чей аспектный итог – культурная эрозия, этническое замещение, социальная маргинализация) предстаёт сжатие-разрежение освоенного российского пространства, в первую очередь сельского (согласно переписи 2010 года 13% сельских поселений совсем не имеют населения, еще в 24% проживает менее 10 чел.; все они с высокой вероятностью исчезнут в течение 10-20 лет), расширение ареалов депопуляции, в том числе и во внутренних регионах России («Внутренней Периферии» по терминологии В.Л. Каганского [9]).

Констатируя данное положение вещей, невозможно не акцентировать и ещё одну приоритетную идею, прошедшую красной нитью через многие труды Льва Николаевича, – навечно закрепленных за каким-то народом

земель и территорий не существует [13]. Учитывая, что планета всё ощутимее перенаселена, а её базовые ресурсы в целом дефицитны и являются объектом возрастающей геоэкономической конкуренции, долгосрочная и устойчивая пролонгация русского этногенеза (стабильное воспроизводство соответствующей геоэтнокультурной системы [14]) немислима вне реализации последовательной стратегии удержания территории, что практически ныне означает её реосвоение, существенное повышение капитализации, снижение (насколько это возможно) экономических, транспортно-коммуникационных и культурных барьеров между группами регионов. Возможностей для этого у России (где, в силу преимущественно институциональных обстоятельств, всё гиперзатратно – строительство и сохранение в рабочем состоянии инфраструктуры, обеспечение трансграничных потоков сырья, товаров, поддержание жизнедеятельности городов и в целом системы расселения) в настоящий момент, к сожалению, катастрофически мало. Практически исчерпана эндогенная ресурсная база реосвоения (требующего высокой мотивации, мобилизации и сверхжертв); оно уже не может вестись ни за счёт российской деревни, ни в существенной мере деградировавшей в постсоветский период индустриальной базы. Сохраняющиеся источники природной ренты («развёрнутые» в сторону крупнейших российских городов и глобальных урбанистических сетей) по политико-экономическим и социальным причинам также практически недоступны. В подобных условиях, когда любое ухудшение экономической конъюнктуры чревато эскалацией регионального эгоизма и сепаратизма, проблематика сохранения территории России не может не корреспондировать с сущностными подвижками в политико-экономических отношениях «по поводу» освоения территории, использования её потенциала. Столь же необходимы, впрочем, и адекватные, чёткие, разделяемые подавляющей частью российского общества представления об идентичности нашей

страны (вопрос этот до сих пор не решен [15, с. 41]), включая её цивилизационный, а следовательно, и географический аспект.

«Изложение прошлого, – констатирует во введении к своей «Мир-Системе Модерна» И. Валлерстайн, – есть социальное действие в настоящем и влияет на социальную систему в настоящем» [16, с. 37]. Конструируя мозаику евразийской геоистории и многочисленными историческими аналогиями «сигнализируя» соотечественникам о возросших к последней четверти XX века системных рисках для великорусского суперэтнуса, Л.Н. Гумилёв в своих последних работах непосредственно указывал на необходимость сохранить всё постсоветское пространство, ибо здесь «народы связаны друг с другом достаточным числом черт внутреннего духовного родства, существенным психологическим сходством и, часто, возникающей взаимной симпатией (комплиментарностью)» [17, с. 20]. Впрочем, будучи истинным исследователем, глубоким аналитиком, создателем столь же яркой, манящей, сколь и, вероятно, для многих небесспорной теории пассионарности, Лев Николаевич, судя по его текстам, явственно осознавал эндогенную детерминанту современных ему, а также грядущих, существенных для России, территориальных социально-экономико-политических деструкций и потерь. Ведь, согласно его заключению, на смену поколениям с доминантой людей бескорыстных и жертвенных зигзаги этногенеза неизменно приводят к превалированию персонажей «гармоничных», а также «субпассионариев» и тогда (как это формулировал Л.Н. Гумилёв) историческое время останавливается, а земля лежит под паром [18].

Если отринуть частности, корректность подобного наблюдения-прогноза Льва Николаевича применительно к российской ситуации – достаточно очевидна. Только отражаемые статистикой потери сельскохозяйственных угодий всех категорий хозяйств за 50 лет в нашей

стране составили более 30 млн га, из них две трети – за годы кризиса и реформ [19]. По основным позициям российская экономика сейчас только приближается к уровню 1990-го года; это означает, что в сопоставлении с основными геостратегическими конкурентами мы, практически, оказались отброшены как минимум на два десятилетия назад. Зримым последствием торжества спонтанного эгоизма субпассионариев являются, впрочем, и сам распад СССР (та бездумная лёгкость, с которой великорусская этническая общность «приняла» это кардинальнейшее для неё историческое событие, поставившее в положение «национальных меньшинств» более 25 млн. одних только русских [20]), и последующее выстраивание уже непосредственно в постсоветской России системы вопиющего территориально-социального неравенства (85 – 90 % её территории оказалось в положении периферии [9] со всеми тому неизбежными следствиями), и вынос «центров прибыли» российских корпораций и локалитетов престижного потребления экономически благополучной страты населения за пределы страны, в первую очередь в метрополии Запада, что, наряду с установившейся специализацией национальной экономики и внешнеторговыми приоритетами, иллюстрирует обретение «периферийных качеств» уже всей Россией в целом.

Предостерегая, что лозунг «жизнь для себя» – это легкий путь в черную гибель [18], Л.Н. Гумилёв, как известно, неизменно выступал против бездумной и бездуховной вестернизации, справедливо полагая, что европейское преобладание в мире – не путь прогресса, а эпизод. И данный тезис, безусловно, обретает ещё большую актуальность и справедливость в геоэкономике и геополитике XXI века, где всё конкурентно и настолько переменчиво, что уже сам Запад всерьёз озабочен скорой перспективой утраты глобального лидерства [21].

Всё более ощутимое глобальное доминирование Китая и пока не столь явное, но неизбежное – Индии, последовательное укрепление

позиций Латинской Америки и государств исламской Уммы (способной в существенной мере нарастить своё геоэтнокультурное «присутствие» и в Западной Европе, и центральных областях Евразии), сохраняющийся потенциал социально-экономического «рывка» Африки – всё это требует от нашей страны даже не столько преодоления традиционного для неё европоцентризма (в последние годы «подпитываемого», кстати, глобализацией, которая, в перспективе, неизбежно приведёт к ослаблению влияния на российскую цивилизацию собственно Запада), сколько выстраивания реальной многовекторной международной политики. Одним из её оснований способно стать евразийство – важнейшая и актуальнейшая геополитическая концепция для России, признаваемая и развиваемая Л.Н. Гумилёвым [2].

Акцентируем, современная Евразия (в её общественно-географическом, геокультурологическом понимании), разумеется, нетождественна ни СНГ, ни, тем более, собственно Российской Федерации; у неё видоизменённые (в сопоставлении с ситуацией двадцатипятилетней давности) силовые доминанты, другая, более усложнённая архитектура. Тем не менее, и в этом новом для неё контексте Россия не может не выступать одним из лидеров в организации продуктивного диалога в интересах обустройства (геоэкономического и геополитического) данного пространства (в первую очередь, как ареала соразвития евразийских этносов).

Предчувствуя грядущую эскалацию этнополитических конфликтов на пространстве Родины и осознавая, что проблема установления взаимопонимания становится все более насущной [18], Лев Николаевич Гумилёв на обширнейшем историографическом материале провозглашал и отстаивал фундаментальный тезис, что нет «хороших» или «плохих» этносов, что этнос – явление поведенческое, проявляющееся в поступках и

взаимоотношениях, и что русским людям всегда была чужда идея национальной исключительности [10].

Постсоветская Россия (несмотря на существенно больший чем в СССР, удельный вес русского населения – 80,9 и 50,8% соответственно, невзирая на его численную доминанту в 71 из 83 регионов) – сохраняет и свою полиэтничную морфоструктуру, и, что не менее существенно, устойчивый видоизменяющийся «этнодемографический ландшафт» страны тренд (при пролонгации ситуации «русская составляющая» в её населении к 2050 г. снизится до 68 %). Испытывая абсолютную и, в ещё большей мере, относительную депопуляцию (за 1900 - 2010 гг. доля России в её современных территориальных «рамках» в мировом населении уменьшилась с 4,5 до 2 %; к 2030 г. данный показатель не превысит 1,5 %) и, одновременно, выступая как активно заселяемая извне страна (по подсчёту автора практически каждый десятый из прошедших процедуру переписи в 2010 году – мигрант постсоветского периода), в XXI веке Российская Федерация оказалась перед лицом реальной перспективы масштабной этнокультурной трансформации. Это, как представляется, требует не только сверхчуткого отношения к этнической составляющей территориальной социально-экономической динамики, действенных усилий по гармонизации межэтнических отношений, но и целенаправленной реконструкции русского (великорусского) этноса как основы российской государственности, воссоздания (в новых, продолжающих стремительно меняться геополитических, геоэкономических и геокультурных условиях) адекватной России суперэтнической целостности. И в данной связи крайне актуализирована одна из базовых, концептуальных позиций Л.Н. Гумилёва, его основывающаяся на анализе русской истории и как бы изначально «заточенная» на стратегическую перспективу страны историко-географическая подсказка – идея русско-татарского (тюркского) симбиоза.

История неизменно проецируется на геопространство, последнее являет собой субстрат грядущей истории; в пространственной же «матрице» современной России «тюркская составляющая» достаточно существенна. Согласно последней переписи, на территории нашей страны проживает более 12 млн. представителей тюркских этносов, т.е. 8,4 % всего населения (в 2002 г. – 10,2 млн. и 7 % соответственно), локализовано девять «тюркских» (по титульному этносу) субъектов Федерации (чья суммарная доля в территории РФ достигает 21,4 %, населения – 8,7 %, ВРП – 6,5 %). Важно, при этом, иметь в виду, что около 120 млн. представителей тюркских этносов проживают в сопредельных (оконтуривающих Россию по её южному периметру) странах, причём, половина из них – непосредственно на территории Турецкой Республики, государства со столь же «евразийской» (как и у нашей страны) исторической и географической «судьбой», динамичной экономикой и внушительными геополитическими амбициями. Дерадикализация «туранского проекта», перевод его преимущественно в геоэкономическую плоскость, достижение стратегического геополитического консенсуса интересов России и Турции на Кавказе (и, в целом, в Большом Причерноморье), в Центральной Азии, формирование сближенной позиции по отношению к иным (метарегиональным и глобальным) «центрам силы» и общим вызовам – отвечает стратегическим интересам не только двух стран, но и иных вовлечённых в орбиту их влияния этносов, регионов, государств и, как видится, может быть реализовано в процессе выстраивания дипольного конгломерата евразийских суперэтносов, способного стать «несущим элементом» геополитической и геокультурной архитектуры Евразии.

Завершая статью, хочу подчеркнуть, что интеллектуальное наследие Льва Николаевича, идеи этого Истинного Учёного, став неотъемлемой органичной частью национальной культуры, преломляясь в методологии

социально-экономических и гуманитарных дисциплин, продуцируя их новые грани и концептуальные подходы, овладевая общественным сознанием, выступают ныне реальным фактором русского этногенеза, конструирования грядущей Истории и Географии нашего Отечества

Литература

1. Дмитриевский Ю.Д. Единое евразийское социально-экономическое пространство (постановка проблемы, современный этап её решения) // География в школе. 1995. № 4. С. 32 – 36.
2. Лавров С.Б. Лев Гумилев. Судьба и идеи. М.: Сварог и К., 2000. 156 с.
3. Чистобаев А.И. Этнологи, опередившие время (к 90-летию Л.Н. Гумилева и 50-летию К.П. Иванова. СПб: НИИХимии. СПбГУ, 2002
4. Дружинин А.Г. Теоретические основы географии культуры. Ростов-на-Дону: Изд-во СКНЦ ВШ, 1999. 114 с.
5. Гладкий Ю.Н. Гуманитарная география. Научная экспликация. СПб..2010. 664 с.
6. Гумилёв Л.Н. Гуманитарные и естественнонаучные аспекты исторической географии // Экономическая и социальная география: проблемы и перспективы. Л.: Изд-во ГО СССР. 1984. С. 42 – 57.
7. Чистобаев А.И. О жизни и географии с любовью. Книга 1. Санкт-Петербург-Смоленск: Универсум 2005. 452 с.
8. Гумилёв Л.Н. // Гумилев Л., Панченко А. Чтобы свеча не погасла. Диалог. Л.: Советский писатель: Ленинград, отдел. , 1990. 87 с.
9. Пространство современной России: возможности и барьеры развития (размышления географов-обществоведов) / Отв. ред. А.Г. Дружинин, В.А. Колосов, В.Е. Шувалов. Москва: Изд-во «Вузовская книга», 2012. 336 с.

10. Гумилев Л.Н. Древняя Русь и Великая Степь. М.: Мысль, 1989. 497 с.
11. Гладкий Ю.Н. Москва в зеркале региональных социально-экономических патологий // Известия РГО. Т. 130. Вып. 4. 1998. С. 64 – 71.
12. Агафонов Н.Т., Лавров С.Б., Хорев Б.С. О некоторых ошибочных концепциях в урбанистике // Известия ВГО. 1982. Вып. 6. С. 5 – 11.
13. Гумилев Л.Н. В Горбачеве я вижу Августа. «Союз», №18, 1991.
14. Дружинин А.Г. Русский регионализм - явление в контексте геоэтнокультурогенеза // Научная мысль Кавказа. 1996, № 1. С. 3 – 10.
15. Национальная идея России. В 6 т. Т. I. — М.: Научный эксперт, 2012. 372 с.
16. Wallerstein I. The Modern World-System, vol. IV: Centrist Liberalism Triumphant, 1789–1914. Berkeley: University of California Press. 2011.
17. Гумилев Л. Заметки последнего евразийца // Наше наследие, 1991, № 3. С. 14 – 25.
18. Гумилев Л.Н. Этногенез и биосфера Земли. Л.: ЛГУ, 1989. 286 с.
19. Нефедова Т.Г. Российская периферия как социально-экономический феномен // Региональные исследования, № 5 (20), 2008. С. 46 – 54.
20. Кабузан В. Русские в мире. СПб, 1996. 586 с.
21. Брюне Антуан, Гишар Жан-Поль. Геополитика меркантилизма: новый взгляд на мировую экономику и международные отношения : пер. с фр. / Гишар Жан-Поль, Брюне Антуан. – М.: Новый хронограф, 2012. 232 с.